

Процесс преодоления шаблона в поэзии Петра Самсонова (опыт комментария к виршам XVII в.)

Стихотворец Петр Самсонов был незаурядным представителем приказной школы, существовавшей в 30-е — 50-е гг. XVII в. Он служил в Патриаршем дворцовом приказе, в мае 1615 г. значился подьячим, в сентябре 1631 г. — дьяком. Фактические сведения о нем обрываются в 1632 г. [см.: Былинин 1989: 442] Но для реконструкции биографии авторов XVII в. надежным источником оказываются также их произведения; так, из виршей, в которых автор сетует на то, что отлучился «в концы вселенныя», можно понять, что он попал в немилость и был удален из столицы. В послании к Ивану Киприановичу (с примечательным акростихом, начинающимся словом «Пощади») автор говорит о таинственном периоде своей жизни, когда он совершил какой-то серьезный проступок; в этих строках усматривают раскаяние в прежней службе Лжедмитрию, «злочестивому еретичу ростриге Гришке» [Былинин 1989: 444]. Именно покаянное настроение и желание заручиться поддержкой покровителей, которые могли бы изменить его судьбу, приводят Петра Самсонова к созданию основного корпуса виршей, дошедших до нашего времени.

Жанровый спектр поэзии автора очень широк: известны два послания Михаилу Рогову (одно из них уникально в своем роде: оно не просительное, а утешительное, на смерть сына), получение молодому человеку Григорию Евдокимовичу, несколько полемических и просительных стихотворений — в общей сложности 11 текстов. Два послания, посвященных одному и тому же лицу, Василию Иосифовичу, с идентичным акростихом, ошибочно принимались в науке за две редакции одного и того же текста.

Послания приказных поэтов обычно тематически двуправлены: с одной стороны, текст предназначен конкретному адресату и должен воздействовать на него (автор стремится поддержать дружеское общение, заручиться покровительством,

переубедить в чем-либо и т. п.); с другой стороны, стихотворец использует доступные ему средства красноречия и поднимает в своих произведениях вечные темы (выражает скорбь или радость, пишет о дружбе и любви, экспрессивно рассуждает о пороках и добродетели).

Так, послание Гордею Андреевичу Петра Самсонова является не только просьбой о помощи, но и гимном общечеловеческой любви. Описанием этой добродетели начинается послание. Для характеристики обладающего ею используются самые изящные метафоры, сравнения. Самсонов обильно вводит и параллелизм, особенно характерный для творчества авторов приказной школы: «Елико убо во звездах пресветло сияе солнце, / Еще же светлейши того имущаго ю содевает сердце» [Самсонов: 333 об.]. Особенно интересно двустишие о том, как человек получает эту добродетель: «Край богословии стяжавый ю постигнути может, / Аще любострастный ум от сердца исторгнути возможет» [Самсонов: 334 об.]. Не стоит удивляться тому, что любострастие в данном случае приписывается уму, тогда как сердце представляет человеческую душу. Речь идет о том, что человек может постигнуть любовь (катеорию рациональную, выражающуюся в делах), заглушив голос ума (подвластного порочным желанием) и обратившись к своему сердцу. Хорошо известный культуре Нового времени конфликт разума и сердца, рационального и чувственного, фактически не проявляется в поэзии XVII в., он явно не был общим местом для приказных авторов. Остроумный, «любомудрый» муж — идеал человека в поэзии приказной школы, через философию он постигает любовь, а через любовь — прочие добродетели.

В поэзии Петра Самсонова особое место занимает воинская топка. Его полемические вирши написаны в духе словесного поединка. Вот показательный пассаж из послания Фоме Стефановичу:

Елико же ты на мя писанием вооружаешся,
толико и мы к вам словесным оружием ополчаемся.
Рать не малу слово ваше, еже о нас, состовляет,

уязвити же наших очес никакo не возмогаеt.
Штурмовати языком яко копием на ны поучаешься,
крепко же и мы сами сопротив вас стати уверждаемься
[Былинин 1989: 247].

Очевидно, это ответное послание, где слово в руках автора становится обоюдоострым мечом — образ весьма характерный для эпохи, в которой навет недоброжелателя мог изменить судьбу человека и даже погубить его. Слово как оружие — то-пос древний, однако для приказных авторов он жив: словом, написанным в виршах, можно вывести из душевного равновесия или утешить в скорби, вывести из пагубных заблуждений, научить и, наоборот, запутать, «извивая стихи лукавством», заплетая, подобно кольцам «древнего змия».

И все же Петр Самсонов — особенно изобретательный автор. В контексте этикетной словесности именно в его творчестве возникают новые формы выражения традиционной мысли, вплоть до курьеза. Так, вирши к Богдану Ивановичу, примечательны тем, что начальная часть послания, содержащая почти полный акростих с именем адресата, обращена к Богу. Элемент молитвы, не чуждый приказной школе, переплелся со вступительной частью, где обыкновенно содержатся приветственные формулы-пожелания адресату. В стихотворении Самсонова эти формулы неожиданно проецируются на самого Бога: «Нас же своего древняго милосердия ты не лишаи / И о своем многолетнем здравии Писанием утешай» [Самсонов: 340]. Измышления ли это автора или интерпретация переписчика, решившего акцентировать заглавную «П» в слове «писание» (широко употребляемым в это время именно значении «письмо», «послание», в том числе у Петра Самсонова), — определенно сказать сложно. Вероятнее второе, поскольку в послании к Ивану Киприановичу Самсонов также использует понятие «древнего милосердия» («милости же вашей, еже на нас, древния не забываем» [Былинин 1989: 250]).

Но есть и другой пример — замена Самсоновым этикетной зарепки в финале послания. Традиционный вариант,

используемый авторами на протяжении всего столетия, — двоестрочие с опорными словами «Богу» — «многу» (в обобщенном виде: молюсь Богу, чтобы подал тебе пользу многу). Сохраняя клаузулу и один из опорных образов, Самсонов избретательно изменяет финал в эпистоле Гордею Андреевичу с просьбой о покровительстве в соответствии с общим тоном послания: «Ищу убо от тебе съ духовною любовью ползу многу, / Юже получивъ, не престану ходіти вслѣд честную ти ногу» [Самсонов: 334 об.].

Среди виршей авторов XVII в. с осторожностью выделяются условно авторские стихотворные формулы: двоестрочия, встречающиеся в стихотворениях только одного автора и с определенной регулярностью. Для Петра Самсонова такое двоестрочие довольно незаурядно: в новом контексте оно приобретает новый смысл, сохраняя только опорные ключевые слова:

<о невинных, в финале послания>

О них же писание нам радоватися глаголет,
многую укоризну от тех смирение наше приемлет [Былинин 1989: 248];

<начало послания, библейская аллюзия>

Всяческих владыка и творец, научая ны, глаголет:
Аще кто о имени моем кого приемлет,
Сын вышняго того ради нарицается [Былинин 1989: 248];

Премилостивый бог пречистыми своими усты глаголет:
о моем имени всяк просяй приемлет.
Щедроты своя божественныя тому воздает [Былинин 1989: 250].

В приказной поэзии широко распространена формула-ссылка на авторитетный образец с опорными словами «глаголет» — «колет» (в обобщенной форме: так и апостол глаголет — словно перстами во око колет). Однако Самсонов явно уходит от нее в пользу другой, менее стройной с точки зрения современных поэтических форм, но вполне приемлемой в традиции виршевой декламации того времени.

Индивидуальность хорошо видна на фоне шаблонных обстоятельств. В случае с Петром Самсоновым представляется возможность сравнить два стихотворения (по-видимому, в обоих текстах не сохранилась финальная часть), написанные по одной акростишной схеме. Речь идет о двух посланиях Василию Иосифовичу, которые содержательно близки к так называемым «слезодостойным» посланиям «отосланцев». О. Е. Кошелева указывает на сборник, в который такие тексты включены в качестве образцов для составления стихотворных прошений людям, попавшим в опалу [см.: Кошелева 2013: 297]. Послание Василию Иосифовичу, публикуемое в этой работе, по силе экспрессии сопоставимо с посланием Ивану Киприановичу, изданным В. К. Былиным и А. А. Илюшиным [см.: Былинин 1989: 250]. Скорее всего, это тексты одного периода. В послании Василию Иосифовичу автор говорит о своей вине и умоляет простить — очевидно, его отношения с адресатом на тот момент испорчены. Важно, что и здесь Самсонов наполняет новым содержанием известную формулу. Если прочие стихотворцы традиционно говорят о том, что намерены и впредь обращаться к адресату с надеждой почерпнуть его мудрости и милости, Самсонов заверяет: «А прочихъ ни о чем тебе, Государю, впредь не имам стужати, / Своя ж вины отпуста и прощения не престанну докучати» [Самсонов: 333 об.]. Другое послание Василию Иосифовичу [см.: Былинин 1989: 248] более традиционно. В нем проходят в привычной последовательности темы любви и бедности, сдержанно-вежливым тоном автор просит о покровительстве, хотя уже на тот момент, по-видимому, пребывает в немилости: «Сам моему спасению ныне буди начальник, / А благочестивому самодержцу о мне печалник» [Былинин 1989: 249]. Несмотря на то что первые буквы почти каждой строки (в небольшой степени испорченный список позволяет легко восстановить акростих) в двух посланиях к Василию Иосифовичу совпадают, лишь в редких случаях они дают начало повторяющимся словам. Рассмотрим эти совпадения:

Философское Богомудрое твое молит остроумие [Самсонов: 333 об.];
Философский разум помыслити о сем не возмогает [Былинин 1989: 248];

честнаго ти лица зрети впред нас не лиши [Самсонов: 333 об.];
Честное твое благонаравие нам всем возвещает [Былинин 1989: 248].

Как видно, повторы касаются только редких букв. Выбор слов для них в книжной поэзии был стилистически ограничен, и отмеченная закономерность не вызывает удивления. Смысловых повторов эти соответствия не образуют. Не прослеживается содержательных аналогий и среди других строк автора, которые начинаются на одни и те же редкие буквы.

Разумеется, о Петре Самсонове не стоит говорить как о первом оригинальном стихотворце XVII в. У него, как и у стихотворцев его круга, немало виршевых формул и общих мест, тем более что господствующая в те времена поэтика «узнавания» образцов не требовала от авторов проявления оригинальности. Однако точечные наблюдения, представленные в настоящем комментарии, могут быть полезны при решении вопросов об индивидуальном авторском стиле и атрибуции стихотворений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложение помещены тексты трех стихотворных посланий Петра Самсонова, до сих пор полностью не публиковавшиеся. Финальная часть послания к Богдану Ивановичу (с перечнем поклонов) была напечатана и прокомментирована А. М. Панченко [см.: Панченко 1973: 45—46].

Все три стихотворения атрибутируются Петру Самсонову по акростиху. В небольшой степени он испорчен при переписывании, но в большинстве случаев может быть восстановлен: достаточно поменять местами начальные слова в строке или снять соединительный союз.

Стихотворения известны в единственной редакции и содержатся в самом крупном из известных собраниях виршей XVII в. —

сборнике прозаических и поэтических произведений разных жанров (датируется концом столетия). Рукопись хранится в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 181 (Собр. Рукописного отдела Московского главного архива Министерства иностранных дел). № 250).

В соответствии с правилами, принятыми для публикации стихотворений XVII в., титла раскрыты, знаки препинания расставлены с соблюдением современных пунктуационных норм. Снят знак «;» в нечетных строках, традиционно указывающий на стихотворную природу текста. Также не приводятся начертания вертикальных и горизонтальных крестов, проставляемых после текста и на линии строк. Написание прописной и строчной буквы (в том числе в словах Бог, Господь и т. п.) соответствует источнику. Реконструкция испорченных мест в тексте не производилась.

Послания для удобства озаглавлены по содержащимся в них актростихам.

Послание Василию Иосифовичу

л. 333

Великую свою милость паки на мнѣ покажи,
А с гнѣвъ ярости своя на благосердие преложи.

л. 333 об.

Свою прещедрую и незлобивую просьри милость
И мою скорбную премѣни от печали худость.
Люто убо есть сѣло надолѣ в печали пребывати
И бедно есть винному казни ожидати.
Елико от Бога требуеши себѣ получитьи милости,
И свою тако же преподаи неоскудно моеи бѣдности.
А прочихъ ни о чем тебѣ, Государю, впредь не имамъ стужати,
Своя жь вины отпуста и прощения не престану докучати.
И о сем тебѣ, Государю, молбу приносит мое неразумие,
Философское Богомудрое твое молишь остроумие.
Отпусти мнѣ вину, законопреступному страднику,
Всякого неразумия преисполненну невоздержному бражнику,
И свое милосердное слово ко мнѣ во утѣшение отпиши,
И честнаго ти лица зрѣти вперед насъ не лиши.

Послание Гордею Андреевичу

Главизна и конецъ добродѣтелямъ люб нелицемѣрна,
О семъ повелѣ господь познавати всѣмъ челоуецамъ вѣрна.
Радость имѣти на небесехъ много имущимъ ю общаетъ,
Духовными доровани таковыхъ выну обогащаетъ.

л. 334

Ея же нѣсть ни едино во благихъ на земли точно,
Юже получивъ кий, явится, яко море медоточно.
Аще кто и вся добродетели исправили потщится,
Не стяжавъ же ю, вѣчныхъ благи не лишится.
Довлѣтъ убо ту всѣмъ непрелѣстну содержати,
Разумы своя благолѣпнѣ в неи утверждати.
Елико убо во звѣздахъ пресвѣтло сияе солнце,
Еще же свѣтлѣиши того имущаго ю содѣваетъ сердце.
Всѣмъ бо добродѣтелямъ всѣми именуется конецъ,
Имѣяи же сию, прииметь духовнаго благолѣпия вѣнецъ.
Честны убо творить стяжавшимъ ю благия нравы,
Уповае же о неи наслаждаются вечныя славы.
Правдѣ и целомудрию тя научаетъ,
Стяжавши же ю от Бога благодать получаетъ.
Тебѣ убо, благонравне, подобаетъ <...> справляти,
Разумъ свои непреклоненъ в неи укрѣпляти.
Учении Боговдохновенныхъ Писании в неи умножается,
Широта же словеснаго любомудрия о неи утверждается.

л. 334 об.

Край богословія стяжавши ю постигнути можетъ,
Аще любострастный умъ от сердца исторгнуть возможетъ.
Славныхъ в челоуѣцехъ таковыхъ сия содѣваетъ,
Аще кто нелицемѣрно ея ко всѣмъ простираетъ.
Мудрости же кто духовныя хоцетъ получитьи,
Сия едина, кромѣ прочихъ добродѣтели, можетъ научити.
О семъ же попремногу и мы твоему благонравию стужаемъ,
Насъ же впредь любити всеусердно понужаемъ.
Обща бо намъ едина заповѣдь всѣмъ належитъ,
Челоуѣколюбнымъ си нравомъ насъ выну назираи,
Елико же и потребе нашей доволствосущимъ не презираи.
Лѣпо убо и достохвално сими вамъ украшатися,
О немъ же можетъ худость наша от васъ наслаждаться.
Малое же благодарение от твоихъ великихъ приношу,
Большае жь впредь от тебе себѣ милости прошю.

Ищу убо от тебе съ духовною любовию ползу многу,
Юже получивъ, не пресиану ходіти вслѣд честную ти ногу.

Послание Богдану Ивановичу

л. 339 об.

Богъ человеколюбивый всѣмъ содѣтель и творецъ,
О немъ же всяко дѣло приемлетъ начало і конецъ.
Горѣ убо от премирныхъ умовъ немолчно воспѣвается,
Долу же от земныхъ родовъ непрестанно прословляется.
Ангельсті чини выспрь величества славы его зрѣти не могутъ,
И низу же человечестіи роди постизати о немъ како возмогутъ?
Учение своего божественнаго смотренія в насъ покожи,
Иго легконосно пречистыхъ заповедѣи намъ наложи.

л. 340

Всѣмъ намъ вѣрующимъ рече позновати ся,
Аще в насъ любы нелицемѣрная начнетъ водворяться.
Насъ же своего древняго милосердия ты не лишаи
И о своемъ многолѣтномъ здравіи Писаниемъ утѣшаи.
Вашего жь благонравия здравие слышаще веселимся
И к вамъ о своеи худости Писати не ленимся.
Что убо возмогу противъ любви воздовати,
Юже обыкль еси нелицѣмѣрно ко мнѣ простирати.
Разумъ мой домыслитися о семъ не можетъ,
Аще и много потрудився, в конецъ изнеможетъ.
Духовныя твоя добродѣтели исчести невозможно,
О ней же подобаетъ благодарити васъ достодолжно.
Вашего жь благосердия и здѣ волнѣ насладихомся,
Аще и в концы вселенныя от васъ отлучихомся.
Ты же, возлюбленная моя душе, о Бозе здравствуй
И нашу любовь, яко же обыкл еси, и впредь благосердствуй.

л. 340 об.

Самоиму брату возвѣсти от мене великое челобитие,
Яко же от моего помраченнаго лица сотвори поклонение,
Пѣжемцу никите тако же от насъ извести,
О его же и о своем здравіи к намъ писати взусти.
Тимофею непею, иже есть от диаконъ, от насъ скажи
Рѣчь прошенія о книге моеи, яже у него прилѣжну положи.
Уведати же аще восхоцетъ и стефанъ мыльниковъ,
<...> да не вмѣнится ему слышати от васъ про насъ, бедниковъ.
Аникиевыхъ терентью петрову скажи о мнѣ извѣстно,

Своего бы здравия не имѣлъ от насъ везъвѣстно
Аще не обленяшися, не упокою и иову челобитие от насъ исправи,
Мое же сердце о ихъ безмѣрномъ милосердіи оскорби уздрави.
Семену Евстафьеву, единообразному моему ревнителю,
Низко поклонися, другу моему и любителю.

л. 341

Никифору ключареву, другу жь моему, благодарное челобитие изорцы,
О немъ же незабвенну память имѣю впредь <...>
Василию диакону роболѣпное поклоненіе от насъ сотвори
И <...> ему раствори.

СОКРАЩЕНИЯ

Былинин 1989 — *Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М., 1989.*

Кошелева 2013 — *Кошелева О. Е.* Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 6 (22). URL: <http://history.jes.su/s207987840000605-4-1> (дата обращения: 11.05.2015).

Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

Самсонов — Стихотворные послания Петра Самсонова // Российский государственный архив древних актов. Ф. 181 (Собр. Рукописного отдела Московского главного архива Министерства иностранных дел). № 250. Сборник. Конец XVII в.